

4

Эдвард Теллер:

«Дело ученого – в расширении знания и в изучении возможности его применения»

В начале января 1994 г. я оказался на научной конференции в Сан-Франциско. В день открытия конференции мне в номер отеля позвонил профессор Дэвид Холлуэй. Он подтвердил, что после конференции меня ждут в Стэнфордском университете. И добавил: программой предусмотрена встреча с Эдвардом Теллером. Это было неожиданностью.

Несколько дней в Сан-Франциско пролетели мгновенно. И вот вместе с Холлуэем мы мчимся на юг, в сторону Лос-Анджелеса, по роскошному хайвэю, проложенному порой среди пустынного ландшафта с огромными и потому почти сказочными кактусами, в небольшой городок Пало Альто, где обосновался знаменитый Стэнфордский университет.

В Пало Альто — обилие пальм, высоченные цветущие эвкалипты, диковинные кустарники, яркие, тщательно подстриженные лужайки. Голубое небо и по-летнему теплая безветренная погода дополняли картину калифорнийской «зимы». Пестрые веселые стайки студентов и частые велосипедисты сновали среди многочисленных университетских зданий. В одном из них, как выяснилось, — кабинет Эдварда Теллера.

Теперь контакты американских и российских разработчиков ядерного оружия никого не удивляют и воспринимаются как одна из символических примет нового времени. А тогда мне, одному из бывших сотрудников Андрея Дмитриевича Сахарова в Арзамасе-16 и потому абсолютно

невыездному, предстоявшая встреча с Эдвардом Теллером казалась абсолютно невероятной.

В годы «холодной войны» наша пропагандистская машина с легкостью находила среди американских ядерщиков мишени для своих ядовитых выпадов. И не было для этой цели фигуры удобней и колоритней, чем неистовый Эдвард Теллер. Этот знаменитый физик-ядерщик, наделенный незаурядным общественным и политическим темпераментом, инициатор масштабных технических идей и проектов, уже полвека являлся одной из самых колоритных исторических фигур современной Америки. «Плоды его гения обеспечили нашу безопасность в ядерный век», — сказал о Теллере бывший президент США Рональд Рейган.

Консультациями Теллера пользовались, по видимому, все послевоенные американские президенты, начиная с Трумэна, и он в той или иной мере влиял на их политические решения. Теллер выступал с воинственными антисоветскими заявлениями и полагал, что только сила может противостоять коммунистической экспансии. Ему, откровенному противнику коммунизма, Америка обязана появлением американской водородной бомбы. Он не доверял советским руководителям и считал эффективность контроля за маломощными подземными ядерными взрывами весьма сомнительной. Как следствие, Теллер выступал против запрещения испытаний ядерного оружия. Наконец, именно он, пытаясь найти

способ защиты от ракетно-ядерного нападения, предложил амбициозный и далеко не бесспорный проект развертывания работ в рамках стратегической оборонной инициативы (СОИ). Не удивительно, что в нашей стране за Э. Теллером закрепилась слава «противника разоружения и разрядки международной напряженности».

Полемизируя с А. Д. Сахаровым, Э. Теллер в ноябре 1988 г. заявил: «Я разделяю идею Сахарова о мирном будущем. Он хочет мира, я хочу мира, все хотят мира. Разница в наших взглядах сводится к тому, что моя конечная цель состоит в том, чтобы ученые были привлечены к усилиям в области обороны. Мой довод в том, что необходимо знать все, что может быть познано. Благодаря науке и технике соседи научатся жить в мире и согласии друг с другом».

Ядерное оружие со всей остротой поставило вопрос о моральной ответственности ученых за результаты своей деятельности и раскололо американских физиков. Не боясь идти «против течения» (однажды Теллер сказал: «Я пошел против общественного мнения в стране, где оно является решающей силой»), Эдвард Теллер нажил немало оппонентов среди своих соотечественников. Некоторые из них даже считали, что он плохо влиял на политику американского правительства. Но никто не мог отрицать, как отметил Сахаров, что Теллер «всю жизнь действовал в согласии со своими убеждениями... и исходил из глубоко принципиальных мотивов». При этом, отстаивая их, он считал: «При обсуждении важных дел ничто неприемлемо, кроме полной откровенности».

День встречи с 86-летним легендарным Эдвардом Теллером приближался. Предстоял разговор с человеком, который 2 августа 1939 г. вместе с Лео Сциллардом стал свидетелем того, как Эйнштейн подписал подготовленное ими знаменитое письмо президенту Рузвельту о необходимости разработки атомной бомбы. С этого момента начался реальный отсчет атомной эпохи. Вскоре Рузвельт создал Урановый комитет, и в число его нескольких членов был включен Теллер. Но звездный час этого выдающегося человека, влияние которого на мировые события было огромным, пришел с первым на Земле термоядерным взрывом. Предстояла встреча с человеком, родившимся в Будапеште и получившим образование в лучших европейских научных центрах, который теперь перекидывал живой мостик к своим великим наставникам — представителям науки первой половины XX века.

Наше знание об Эдварде Теллере всегда было односторонним. К моменту нашей встречи не

было ни одной публикации в нашей стране, в которой было бы предоставлено слово ему самому — нестандартному, неожиданному и парадоксальному человеку и ученому. Ныне мы осознали, что совсем не обязательно ходить строем. Что даже по очевидным вопросам могут быть разные мнения. Отсюда один шаг до понимания: наше представление о мире и собственном месте в нем будет адекватным только в том случае, если мы научимся понимать и своих недавних грозных оппонентов. Эдварда Теллера в том числе.

...Мы приближались к зданию к назначенному времени, как вдруг один из моих спутников произнес: «Профессор Теллер — непредсказуемый человек... Не удивляйтесь, если встреча очень быстро закончится». Я сразу вспомнил рассказ одного из участников встречи с Теллером во время его первого приезда в Москву летом 1993 г. Прежде всего он пожелал посетить в Курчатовском институте Дом-музей И. В. Курчатова. Зайдя в гостиную и увидев рояль, Теллер неожиданно для всех извлек из своих бумаг ноты и, ничуть не смущаясь, уселся за инструмент. Прошло немало времени, прежде чем после музицирования началась беседа. Поэтому непредсказуемостью Теллера меня уже трудно было удивить...

Мы поднялись на второй этаж и в коридоре сразу столкнулись с Эдвардом Теллером. Он громко приветствовал нас и пригласил пройти в его кабинет. Помещение оказалось совсем небольшим: все пространство занимали письменный стол, диван, кресло да журнальный столик. В глаза бросилась могучая корявая палка, которой хозяин пользовался при ходьбе.

После вежливых вступительных слов Теллер заговорил об изменившемся мире, о сотрудничестве с Россией в новых условиях. Беседа оживилась... Час пролетел незаметно, и мы договорились, что какая-то часть разговора может быть опубликована. Позднее, когда я работал уже в Нобелевском институте в Осло, Эдвард Теллер не только прислал мне согласованный текст, но и предварил его следующим заявлением:

В течение всей моей работы в прикладной науке я следовал принципу, что дело ученого заключается в расширении знания и в изучении возможности его применения. Каким образом это применение будет осуществлено действительности — за решения по этому поводу ученый ответственности не несет. Он может и должен давать консультации. В этом процессе реальным препятствием выступает секретность, которая создает многие проблемы. Поэтому секретность по возможности должна быть уменьшена.

Я действительно уважаю ученых, которые хорошо делали свою работу и которые следовали этим принципам. Это несомненно и полностью относится к выдающимся русским ученым, таким как Игорь Курчатов и Юлий Харитон. При существовавшем в Советском Союзе диктаторском режиме ученых часто использовали друг против друга и во многих случаях это затрудняло отношения между ними. На меня особенно сильное впечатление произвело то, что, несмотря на эти трудности, Курчатов и Харитон добились высокого и единодушного уважения со стороны своих коллег.

В настоящее время с распадом Советского Союза и исчезновением опасного идеологического противостояния между Востоком и Западом открывается возможность для научного сотрудничества. Я полагаю, такое сотрудничество должно быть использовано во всей полноте. В рамках этого сотрудничества традиция, заложенная Курчатовым и Харитоновым, будет неоценимо полезной.

Кстати, Э. Теллер высоко отзывался и о А. Д. Сахарове. Он писал: «Андрей Сахаров внес огромный вклад в науку. Его вклад в военную мощь Советского Союза был уникальным и выдающимся... Его медленная, продуманная и самосогласованная смена взглядов, сопровождавшаяся большими личными потерями, — редкость в человеческой истории. Для этого необходимы решимость и исключительная цельность натуры».

Воздавая должное своим коллегам в нашей стране, Эдвард Теллер отметил в 1993 г.: «...создание атомной и водородной бомб происходило в СССР и в США совершенно различными путями. Таким образом, мало смысла в том, чтобы заявлять, кто был впереди в какой-то момент времени».

Беседа с Теллером

Ю. Смирнов: Профессор Теллер, кто из послевоенных лидеров США и СССР претерпел, по-вашему, наибольшую личную эволюцию во взглядах на ядерное оружие и опасность ядерной катастрофы?

Э. Теллер: В случае США — Нельсон Рокфеллер. В случае СССР, определенно, Андрей Сахаров.

Ю. С.: Какие события вы относите к ключевым на пути к ограничению гонки вооружений?

Э. Т.: С некоторой обоснованностью считается, что высокоточные оборонные процедуры, т. е. стратегическая оборонная инициатива, явилась поворотной точкой. Я, однако, полагаю, что поворотным моментом явился успешный разгром Саддама Хусейна (здесь речь идет о первой войне с Ираком — Ю. С.). На этом примере было продемонстрировано, как сочетание международного сотрудничества и высокоточного оружия может обеспечить разгром агрессора без чрезмерных жертв.

Ю. С.: Как развивались бы события, если бы США обладали атомной монополией, скажем, до 1960 года? Могли ли США силой сохранить свою монополию на атомную бомбу?

Э. Т.: По моему мнению, разница была бы небольшая, если бы вместо 1949 года американская монополия продолжалась до 1960 года. Я также полагаю, что воздержание от использования силы, чтобы сохранить нашу монополию, было правильным.

Я полагаю, ошибка была сделана в 1945 году. Ситуацию могла бы изменить комбинация трех действий. Во-первых, мы должны были бы продемонстрировать японцам ядерную бомбу до того, как ее использовать. Это могло бы привести к окончанию войны без дальнейшего кровопролития. Во-вторых, мы должны были быть готовы с планом Баруха для международного сотрудничества в августе 1945 г. (Соединенные Штаты 14 июня 1946 г. выдвинули в ООН «план международного контроля за атомной энергией» — так называемый «план Баруха», в котором советское правительство увидело неприемлемую для себя попытку со стороны США закрепить за собой монополию на атомную бомбу. — Ю. С.) И, в-третьих, после окончания войны мы должны были продолжать помощь СССР, но только при условии, что Сталин примет план Баруха.

Ю. С.: И все-таки, если бы Соединенные Штаты Америки к августу 1949 года, когда был близок наш первый атомный взрыв, узнали, как далеко зашли атомные разработки в СССР, мог бы состояться превентивный удар по Советскому Союзу?

Э. Т.: Определенно нет. Не следует предотвращать зло еще большим злом... Подобный вопрос почти в той же формулировке был задан мне явно президентом Кеннеди. Он конкретно спросил, не было ли ошибкой, что США не использовали свою монополию во время Берлинского кризиса. Я сказал: «Нет, абсолютно нет».

Ю. С.: Какие уроки должна извлечь политическая элита из истории появления ядерного оружия?

Э. Т.: Урок заключается в том, что мы должны осознать неизбежный эффект: техника делает мир все более взаимозависимым. По-моему, следствием этого урока должны быть не ограничения, а стремление к позитивному сотрудничеству.

Ю. С.: Видите ли вы реальные возможности в будущем для мирного применения ядерной взрывчатки?

Э. Т.: А как же! Ядерная взрывчатка может найти применение в созидательных целях. Выдающийся пример — возможность отклонения с ее

помощью траектории большого астероида для предотвращения (катастрофического. — Ю. С.) столкновения с ним. Другой пример — использование ядерных испытаний в научных исследованиях.

Ю. С.: Сохранится ли в перспективе соблазн создавать все более разрушительное и изощренное оружие?

Э. Т.: Конечно, возможность развития все более изощренных устройств (instruments) определенно сохраняется. Многие из них действительно могут быть превращены в разрушительное оружие. Однако это не должно подводить нас к выводу об ограничении в усовершенствовании этих устройств. Это должно вести нас к выводу, что все мы (не только ученые) должны искать пути, как ослабить причины для превращения (for turning) устройств в оружие.

Ю. С.: Смотрите ли вы с оптимизмом на будущее цивилизации?

Э. Т.: На мой взгляд, пессимист — тот, кто всегда прав, однако не получает какого-либо удовольствия от этого. Оптимист — тот, кто полагает, что будущее неопределенно. Я считаю своим долгом быть оптимистом, потому что, представляя себе будущее неопределенным, я получаю стимул что-то делать в его интересах.

Ю. С.: Позвольте один экзотический вопрос. В прошлом году я прочитал в «Нью-Йорк Таймс», которая цитировала и бывшего министра обороны США Каспара Уайнбергера, что СОИ с самого начала была большой дезинформацией, чтобы спровоцировать Советский Союз на непомерные, разорительные расходы. Из нашей печати я знаю, что именно вы главный инициатор СОИ. Как вы это прокомментируете?

Э. Т.: Вздор! (Мой вопрос вызвал буквально взрыв негодования с его стороны, смысл которого сводился к словам: «Этого не может быть!!!» И только когда Теллер услышал подтверждение, что приведенный мной «пассаж» был действительно опубликован в «Нью-Йорк Таймс», он успокоился и разговор был продолжен. — Ю. С.).

Ю. С.: Какие возможности для сотрудничества между США и Россией вы видите?

Э. Т.: Более чем благоприятные. Планы должны основываться на предложениях обеих сторон. В качестве объекта для сотрудничества на ранней стадии я предлагаю создать всемирную по охвату открытую инспекционную систему, которая использовала бы передовую американскую электронику и способность России производить дешевые запуски спутников.

Ю. С.: Каковы ваши впечатления от визита в Россию?

Эдвард Теллер и Юрий Смирнов, Стэнфордский университет, Калифорния, США. 12 января 1994 г.

Э. Т.: Я смог поговорить слишком мало с очень немногими русскими учеными.

Ю. С.: Я знаю, что вы, побывав в Москве и Дубне, не были однако в Арзамасе-16...

Э. Т.: В настоящее время любой мой визит в Россию должен проходить под официальным покровительством обеих сторон. Если договоренность будет достигнута, я буду чрезвычайно заинтересован посетить Арзамас-16, Академгородок и другие места...

* * *

Читателю есть над чем задуматься. Научно-технический прогресс несет благо людям. Но для разобщенного человечества он таит и большую опасность. Мы — свидетели этого драматического парадокса.

Имея в виду ядерное оружие, я спросил однажды А. Н. Яковлева — одного из высших советских руководителей эпохи перестройки: была ли, с его точки зрения, ситуация под контролем, или мир случайно избежал ядерной катастрофы. Он ответил: «Я не верю в потусторонние силы, хотя мне иногда кажется, что какая-то сила взяла и остановила. Человечеству просто повезло...» Тем не менее, Эдвард Теллер убежден, что «благодаря науке и технике соседи научатся жить в мире и согласии друг с другом». Возможно, это и так. Только как быть со случайностями, которые в нашем разобщенном и не очень высоконравственном мире отнюдь не всегда могут быть благоприятными?..

По материалам: Ю. Н. Смирнов. Создатель американской водородной бомбы остается оптимистом // Известия. 1994. 31 августа.